

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

УДК 81'27
ББК Ш100.62

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

СЛОВО, НАПРАВЛЯЮЩЕЕ ЖИЗНЬ (к проблеме динамики и употребления инвектив в современной языковой ситуации)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы национального инвективного словоупотребления и его современного статуса. Отслеженная динамика и употребление инвектив в современной языковой ситуации показывают его универсальную и специфическую природу на разных этапах общественного сознания, сочетающую в себе как деструктивность, так и социальный практицизм. Однако в современном обществе, утратившем выработанные веками регламентации и запреты, инвектива трансформируется и приобретает признаки пандемии, искусственно подпитываемой со стороны средств массового воздействия и разрушающей человеческое общество.

Ключевые слова: инвектива, обценная лексика, язык и мышление, языковая личность, этимология.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

THE WORD DIRECTING LIFE

Abstract. This article are considered problems of national invective word usage and its modern status. The traced dynamics and contours of an invective continuum show its universal and specific nature at different stages of public consciousness combining both disruptiveness, and social practicalness. However in modern society, lost the regulations and a ban developed for centuries, the invective is transformed and gets signs of the pandemic which is artificially fed from means of mass influence and destroying human society.

Keywords: invective, obscene lexicon, language and thinking, language personality, etymology.

Человек живёт в мире слов, и богатство слов — древних и новых, своих и чужих — созидает мир человека. И всё это даёт основание считать слово источником жизни: от утверждения Библии — «в начале было Слово», до афоризма писателя XX в. М. Пришвина — «жизнь происходит от слова», [Бекасова 2007]. Великий М. В. Ломоносов как о всем известной истине пишет о связи судьбы цивилизации со словом: «Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянными народами в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля, и другие нужные, союзных сил требующие дела производить, как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?» [Ломоносов 1952: 91].

В сокровищнице родного языка нет слов плохих и хороших: они все одинаково нужны, они все суть порождение и проявление жизни — рождаются в жизни и в них про-является жизнь. Хуже обстоит дело с носителями языка: одни из них обходятся как Эллочка Людоедка несколькими словами, а другие окружены специфическими словами, как, например, наркоман, определивший судьбу своих напарников: «Одни *сторчали*, другие *сдринчали*, третьи *кинулись*». Безусловно, эти слова далеки от жизни в её глубинном понимании, но суть физиологических процессов описывают довольно точно. Видимо, поэтому они так востребованы в современной литературе, где снятие нормативных ограничений в современной филологии рассматривается «как тенденция общеевропейская, если не общемировая» [Старикова 2013: 298]. Более того, эдуарды лимоновы подобное считают великим вкладом в русскую литературу,

а европейцы главную особенность — «одновременно привлекающую и отталкивающую» — выдающихся из ряда привычных произведений агентичность передачи разговорной речи, переполненной не только сленгом, но и обценной лексикой, оценивают наградами, например, «за лучшую презентацию словенской культуры и словенского литературного языка» [Старикова 2013: 299].

Отмечаемое исследователями всё нарастающее «упорное сознательное нарушение табу на инвективы в печати, по радио и телевидению», имеющее место во многих странах мира [Жельвис 2001: 215], становится «сильнейшим социокультурным опиумом, способствующим превращению целых поколений в безъязыкую толпу с простейшим набором сигнальных функций» [Гусейнов 1989: 76]. Ср. в этой связи такие развлекательные жанры современного российского медиадискурса, как *Приколы Русского радио*, которые используют инвективную тематику как элемент «языковой игры на грани фола» [Гридина 2014: 38].

Однако всегда и во все времена следует помнить гениальную формулировку А. А. Потебни: «Мысль направлена словом» [Потебня 1913: 170]. Так каким же словом будет направлена мысль нового поколения? А с пониманием того, что «слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие», «важно для душевной жизни» [Потебня 1913: 137], встаёт другой вопрос — какая жизнь произойдёт из этого слова?

В любом языке есть особые слова, на которые во все времена накладывался запрет: сначала сакральный, мистический, затем нравственный. По мнению отцов церкви, одной из трёх составляющих души является её словесная часть, поэтому так важ-

на характеристика речи человека и его слов, в том числе тех, за которые он осуждался и перед людьми, и перед Богом: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» [Матфей 12, 33–37].

В русском языке такие «праздные слова» называли по-разному, но в самом названии определялась их суть — *пустолаголание, суесловие, пустословие*, то есть не имеющие смысла и значения. Для некоторых такие слова удобный «связочный» материал, позволяющий создать иллюзию плавной речи. Этот словесный шум, напрасный и позорный, [Забелин 1990; 356, 366] позволяет «без напряжения» назвать любую вещь окружающего мира, не задумываясь, не тренируя свою память, не обогащая свой словарный запас и своё видение мира.

Многоречие, многолаголание, роптанье (болтовня), *сетование, празднословие* — характеристики избыточной, а следовательно, пустой речи. Следует напомнить, что одной из древних добродетелей было молчание. В ряду злых, несправедливых, неправедных, а значит, неправильных слов *злоречие, осуждение, прекословие*, когда говорят слово *поперёк*, не прислушиваясь, не вникая в суть слов; *хула* («поричание, осквернение», того же корня, что *хилый* — первоначально «согнутый», затем «слабый, малодушный, стыдливый»), *ересь* (от греч. «выбор», а затем «ложь, чепуха»), *поклёп* (от *клепати* «обвинять», первоначально звукоподражание от *бить, хлопать*), *клевета* (вероятно, той же основы, что *клевать, клюю* или *клепать*), *напраслина* (от *напрась* «клевета, наговор, ложь», того же корня, что *просить, просьба* — первоначально «просьба с жалобой на кого-то»), *глумление* (от *глум* «шум, шутка, дурь», того же корня, что *глухой* и *глупый*) и под. (здесь и далее см.: [Шанский, Боброва 1994; Фасмер 1996]).

Именно в этом ряду представлены *брань, срамословие* и *сквернословие* [Колесов 2004: 256–265]. Слово *брань* одного корня со словами *браниться* и *обороняться, оборона*, которые связывает древний ритуал ругани перед боем, то есть введения себя в психологическое состояние, необходимое для сражения, рукопашного боя. Два войска, стоящие друг против друга, и их воины, не имеющие никакой личной обиды, могут вступить в кровавую брань только после брани словесной. Именно поэтому использование ругани не по назначению опасно для психически некрепких людей и особенно детей, для которых брань нередко является способом самоутверждения. Закалённые в кровавых битвах слова не должны были пасть на мягкие детские души, поэтому у всех народов во все времена запрещалось ругаться при детях.

Виртуозная брань — это и тактика на поле сражения. В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку в лето 1016 описывается трёхмесячное стояние по обеим сторонам Днепра Ярослава и Святополка, не решавшихся вступать на тонкий лёд и стать *уязвимыми* (первоначально «ранить, ударить», а затем «говорить колко, нанося душевные раны»). «И воевода нача Святополчь, езда възле берегь, ука-

рати новгородце, глаголя: «Что придосте с хромьцемъ симь, о вы плотници суще? А приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ». Новгородская первая летопись донесла до нас имя корильщика (от *кор* — «оскорбление, обида») — Волчий Хвост, бывшего воеводы князя Владимира, победившего радимичей на реке Пещане [Повесть 1996: 474]. Оскорблённая *плотниками* дружина *хромого* после ранения Ярослава наутро переправились на другой берег и напала на пившего всю ночь по случаю словесной победы Святополка, в результате «Святополкъ же бежа в Ляхы. Ярославъ же седе Кыеве на столе отъни и дедни» [Повесть 1996: 62–63].

Летописная статья 1018 г. вновь доносит до нас отголоски словесной брани Ярославом Мудрым и польским королём Болеславом, объединившимся с окаянным Святополком. «И бе у Ярослава кормилецъ и воевода именовъ Буды, нача укарятти Болеслава, глаголя: ”Да то ти прободемъ трескою <колом> черево твое тольстое”. Бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы седети, но бяше смыслень». Грузный Болеслав оскорбился и «вбрде в реку, а по нем вои его» [Повесть 1996: 62–63].

Почти тот же словесный арсенал используют в повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя молодцы, «позубастее на слово» и «крепкие на едкое слово», когда начинают задирать неприятеля при осаде польского города Дубно: «Вы, видно, на сонных людей храброе войско!» — «Вы погодите, обрежем вам чубы!» — «А хотел бы я посмотреть, как они обрежут нам чубы! А что ж? может быть, ляхи и правду говорят; коли выведет их вон тот, пузатый, им всем будет добрая защита. Позади него упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь кого-нибудь копьём!» [Гоголь 1994: 276]. В словесной перебранке казаки добились своего: ляхи вышли из ворот города и приняли бой.

Таким образом, *брань* — это виртуозное боевое словесное искусство, в котором направленное на врага слово должно его оскорблять и разъедать за счет умаления его ратной доблести и выпячивания физических недостатков. Зубастость слова должна одновременно поддерживать боевой дух своих ратников (от *рать*, буквально «состязание, борьба, ссора»), снимать напряжение и страх перед боем, очищать смехом.

Сквернословие и *срамословие* могли быть родовым названием всякого безнравственного слова (пустословия, наговора, ворожбы, колдовства, болтливости и т. п.), но в них подчёркивалась грязь, позор и зазорность (видимость) слов. В «Домострое», где всякая ругань запрещалась, проводится грань между *срамословием* — руганью посредством общепринятых слов типа «венгерских» (в русском материале есть и примесь иноязычных слов, а «блатная фея» формировалась за счёт цыганских, еврейских, румынских, венгерских и других заимствований) и *сквернословием* — простой бранью без дурных слов. В древнерусских памятниках письменности сквернословие обычно соотносится с обидой людей, а срамословие с оскорблением Бога, хулой, ересью. В Нагорной проповеди указывается на необходимость наказания за *оскорбление*, то есть нанесения словес-

ной обиды, *скорби*, беды: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто скажет брату своему: «пустой человек», подлежит верховному судилищу, а кто скажет, «безумный», подлежит геене огненной».

Те слова, которые получили впоследствии названия мата, находились под тройным запретом: человек матерящийся оскорблял не только мать, давшую ему жизнь, но и поносил Мать-сыру землю — единственное женское божество в пантеоне языческих богов, но очень важное для жизни, это божество Жизни во всех её разнообразных процессах: без Мокриды — сырой земли нет урожая, нет пищи, а значит, нет жизни; он возводил хулу на богородицу, родившую Иисуса Христа.

Такие слова — это сколки древнего мистического языка, языка ведунов и ведьм, знахарей, колдунов и ворожей — профессий коммуникативных, то есть связанных не только с знанием, веданием, но и говорением, ср. *за-говоры*, *на-говоры*, *при-говоры* (см. [Коновалова 2007]). Этимология слова *волхв*, или *волишебник*, буквально означает *‘тот, кто говорит непонятными колдовскими словами’*, то есть эти слова не были понятны обычным людям, более того, все словесные действия должны были выполняться шёпотом. Заговоры никогда не записывались, а передавались из уст в уста, а став достоянием необученных, обычных людей, не только теряли свою мистическую силу, но могли обрушиться на виновников «утечки информации». Эти древние запретные слова-табу использовались в качестве оберега, для заклинания злых духов и нечистой силы специалистами в этой области [Успенский 1996; Жельвис 2001]. Именно колдун, ведун, знахарь или волхв мог изъясняться с нечестью на её понятном языке и уберечь путём угроз, проклятий или уговоров скот от бесплодия, пашни от засухи, людей от болезней. Попусту слова не употреблял никто, а обыкновенные люди свято верили в то, что такие «чёрные» слова способны *во-площаться*, то есть претворяться в *плоть* [Коновалова 2012]. Все религии запрещали называть злого духа, так как названное всегда более реально, чем неназванное, потому что памятна мудрость древнего отношения к слову — «В начале было слово» и слово есть дело. И если «каждому по делам его», то слова сквернословия направлены и на него самого.

Такие слова всегда осуждались: их называли *гнуемыми*, то есть гнетущими и одновременно теми, которых надо гнущаться; *мерзкими* — омерзительными, без стыда и совести; *грязными*, в которых погрязает / грузнет человек, *бесстыдными*, *срамными*, *порочными*; *надменными* словами, порождением дымной, надутой гордости, именно этот пустошный дым становится причиной крамолы, о страшных последствиях которой предупреждало ещё «Слово о полку Игореве» — «в княжеских крамолах веки человеком сократились и начаша князи про малое “се великое” молвити, и сами на себе крамолу ковати», а «в раздорах и ссорах, сварясь с друг другом и наводя на соседей полки врагов, “своими крамолами начяста наводити поганья на землю Рускую»» [Колесов 2004].

Такие слова остерегались употреблять даже такие в нашем представлении буйные личности, как Иван Грозный. Ругань его более убедительна, изощрённа, действительна и во многом литературна, и не только потому, что привычная для нас «чёртова дюжина» срамных слов не была тогда в ходу, но и прежде всего потому, что опирается на устную (во многом скоромошью) и книжную (чаще всего христианскую) традицию и сдобривается языковым талантом противоречивого Иоанна IV. Достаточно с этой целью проанализировать выстроенное на контрастах Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.), где Иван Грозный на всю Русь провозгласил свою позицию по поводу материально укрепившихся монастырей. Сначала он унижает себя перед игуменом Козьмой братиею, признаваясь в «пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе», не останавливает его и одна из самых сильных инвектив средневековья — «пес смердящий» в отношении к себе. Но тут же маска сорвана — и великий князь обрушивается на виновников растления монастырского устава: «отдуху нет, таки Собакин и Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? Но доколе молвы и шептания..? И чесо ради? — злобесного ради пса Василья Собакина... Или бесова сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова?» [Послание 2005: 175]. Он клеймит и чернецов, «подобно иконоборцам», посеявшим «семена злочестия» [Послание 2005: 176]. Царь судит всю погрязшую в грехе церковь. И теперь уже можно «плюнуть и браниться» на разорителей древнего благочестия [Послание 2005: 190], обличать их «брань» и «безумные глаголы», «прелести» и «блядословие» Шереметева и Собакина, которые и с «отъятием влас» не прекратились [Послание 2005: 179], и недопустимые монастырские безлепицы, в том числе и те, которые он сам видел, — «по четкам матерны лают» [Послание 2005: 182].

Следует отметить, что многие из ныне скверных слов не имели такого статуса раньше. Например, охотно используемое для связки слов однокоренное со словом *блуд* и нередко заменяемое *блином* слово имело значения *‘ложь’*, *‘обман’*; *‘ересь’*, *‘лжеучение’*; *‘лжеец’*, *‘обманщик’* и только в последнюю очередь — *‘распутная женщина’* [СлРЯ XI–XVII: 249–251], которое ещё использовалось в XVIII в., но затем слова подобного типа «после 1730-х гг. в книгах как непристойное не употр.» [СлРЯ XVIII: 249–251].

Именно со всеми ипостасями духовного заблуждения, вплоть до отречения от божественных и человеческих сущностей использует это слово и его производные не только Иван Грозный, но и огненальный протопоп Аввакум, для которого это или римская, или «вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба. Аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету. Чтый да разумеет» [Аввакум 1934: 66]. Пришло время, когда спокойная уверенность и достоинство риторически украшенной церковной проповеди сменяется личностно заинтересованным диалогом «в ответ» духовному

чаду, колеблющемуся в вере, идеологическому «супротивнику», еретика, а в условиях, когда «грызлися, что собаки, со мною власти», «бесчинники ругались надо мною» [Аввакум 1934: 175, 163], то и «акаяному, злобесному» вероотступнику, «толсто-брюхому никонианину» или просто дураку [Бекасова 2001, 2011а, 2011б]. Но сам себя Аввакум ни руганью, ни бранью, ни лаем старался не опускать, поскольку это «болезни душ» в «люто время» — «не их то дело, но сатаны лукаваго», хотя и «журят меня за то, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю» [Аввакум 1934: 82]. Так для никониан писание перешло в разряд ругани.

Но Аввакум был далёк от полнейшего отрицания худого слова от худой жизни — сочувствуя «мужичкам деревенским, миленьким», он выводит одну из важнейших закономерностей русской жизни — сохранения святости души в нечеловеческих условиях: «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. У спаса они лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят. Полно. Оне, горюны, испивают до пьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет бог!» [Аввакум 1934: 176]. Таковую полезность инвективы, которая выполняет около 30 функций, В. И. Жельвис рассматривает «как более цивилизованный, по сравнению с физической атакой, способ выражения агрессии, как некий “ассенизатор” понятий» [Жельвис 1997: 133].

Но слова уже вырвались из-под мистического спуда и средневековых регламентов и запретов. В связи с идеологическим и церковным кризисом, тяжёлым экономическим положением и с «обмирщением» общества, они стали использоваться, говоря современным языком, не только для снятия стресса, а «широко разлились по Руси» [Колесов 2004: 265], став привычными, безоглядными на детей и женщин пустошными, но всё-таки «бесовскими глаголами». Они становятся основой речи ленивых и невежественных, с ними заигрывают и заигрываются, ими шумят как погребушкой и всегда тужатся сделать из них «великий и могучий» матерный язык, гордятся мифом об особой роли и преимуществах русского сквернословия и даже со смехом обучают ему своих детей. В таком инвективном континууме понятно мощное сопротивление закону о запрете ненормативной лексики при публичном исполнении произведений литературы и искусства, народного творчества в театральных постановках, на концертах и других зрелищно-развлекательных мероприятиях, а также в СМИ и при показе фильмов в кинотеатрах [<http://newsru.com/arch/cinema/01jul2014/zakon.html>]. Обсценная лексика из устно вырвавшегося «в порыве» явления уже стала угрожающе продуманным коллективным творчеством авторов, редакторов, актёров, режиссёров и целой цепочки ответственных за выпуск продукта лиц. Без неё уже не может выйти «качественный», адекватно отражающий жизнь продукт — пора изящно продуманных классических решений в виде шума сорвавшегося воронья в фильме «Председатель», или «этого нехорошего человека» после

падения чугунной батареи на ногу, или эмоционально и ситуативно понятных «свиллога», «валюна» «шарам» прошла. Необходим эпатаж, который давно растворился в нашей повседневности.

Раскрепощённость такого типа всегда ведёт к «серьёзным изменениям всей национальной культуры» [Жельвис 1997: 133] и разрушению человеческого, поскольку по метафорически точному определению А.А. Потебня, слово как «ткацкий челнок, разом проводящий уток в ряд нитей основы и заменяющий медленное плетенье» создаёт мысль [Потебня 1913: 137]. Но какой же будет ткань срамословия, сквернословия и пахабщины? Тем более, что и сейчас эти слова имеют прозрачную этимологию отчуждения: указывая на то, что скрыто от чужих глаз, они из пристойно *вежливых*, которыми владели знающие, ведающие, опытные, стали *пошлыми* (того же корня, что и *шел*), с которыми нельзя идти, *непристойными* — рядом нельзя стоять, *неприличными* — не соответствующими лицу и личности.

С другой стороны, по народной мудрости «равно худы и худое житьё и худое слово»: имея одно, будешь иметь и другое, а по той скверне, что внутри, будешь выстраивать жизнь внешнюю.

Следовательно, в наших словах — наша судьба. По К. С. Аксакову, «слово есть воссоздание внутри себя мира» (цит. по: [Даль 1998: 221]), а значит, скверное слово может стать и его разрушением. Обо всём этом следует задуматься, и прежде, чем слетит с наших уст негодное слово, вспомним предостережение В. И. Даля: «Но с языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесносная речь человека — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом: без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычание» [Даль 2000: XXIII].

ЛИТЕРАТУРА

- Бекасова Е. Н. «В начале было слово...» // Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье: сб. материалов. — Оренбург, 2007. — Вып. 20. — С. 5–14.
- Бекасова Е. Н. а) Просторечие как феномен церковных распри // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологического корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). — Саратов: ИЦ «Наука», 2011. — С. 13–15.
- Бекасова Е. Н. Синдром «единый аз» и творчество старообрядцев / Е. Н. Бекасова: V Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте (Челябинск, 28–29 мая 2001 г.). — Челябинск, 2001. — С. 116–122.
- Бекасова Е. Н. б) Уроки истории: «Великий раздор» как результат книжно-обрядовых исправлений в XVII в. // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Оренбург, 2011. — С. 216–223.
- Гоголь Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1–2. — М.: Русская книга, 1994.
- Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. — 2014. — №2. — С. 34–38.

Гусейнов Г. «Сколько ни таимничай, а будет сказать» // Знание — сила. — 1989. — № 1. — С. 73–79.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. — М.: Русский язык, 2000.

Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. — М.: НИЦ Ладомир, 1997.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. — М.: Книга, 1990 (Историко-литературный архив).

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. (Филология и культура).

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: моногр. — Екатеринбург, 2007.

Коновалова Н. И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. — 2012. — № 11. — С. 18–20.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в X т. Т. VII. Труды по филологии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и коммента-

рии Д. С. Лихачёва. — изд-е 2-е, испр. доп. — СПб.: Наука, 1996.

Потебня А. А. Мысль и язык. — 3-е издание. Харьков: Типография Мирный труд, Девичья улица, № 14-й, 1913.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 1 (А–Б). — М.: Наука, 1975.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. — Вып. 2. Безпристрастный–Вейэр. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1985.

Старикова Н. Н. Этнические проблемы современной Словакии и их воплощение в литературе // Славянский альманах 2013. — М.: Индрика, 2014. — С. 291–300.

Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. — М.: НИЦ «Ладомир», 1996.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. Б. А. Ларина. СПб., 1996.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994.

Данные об авторе

Бекасова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская 19.

E-mail: bekasova@mail.ru

About the author

Bekasova Elena Nikolaevna is a Doctor of Philology, Professor of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).